

Я хочу рассказать о своем прадедушке, Николае Дмитриевиче Попкове, который почти всю жизнь был профессиональным военным. Он участвовал в Великой Отечественной войне, начиная с военного конфликта на Халкин-Голе в составе 6-го истребительного авиационного полка ВВС. По его рассказам, эта битва была тяжелая и кровопролитная. Такая интенсивность воздушного боя была еще только на Курской дуге. «Неба не было видно за самолетами». В воздухе находилось несколько сотен самолетов одновременно. Холм, где были блиндажи японских солдат, в прямом смысле напоминал Лысую гору. Практически без всякой растительности, все подходы к ней как на ладони. Ситуация осложнялась еще и тем, что со стороны японцев воевали практически комикадзе. Отстреливаясь через узкие щели, они не покидали своих мест до самой смерти. Многие были прикованы рядом со своими пулеметами. Наши войска могли бы понести очень большие потери, если бы не применили экспериментальную тогда, установку «Град». Огонь практически выжиг все живое. Это произвело такое впечатление на японцев, что они до последнего не вступали в войну против СССР.

Впоследствии, мой прадедушка был награжден медалями за участие в событиях на Халкин-Голе и за участие в битве под Москвой. Во время Великой Отечественной войны Николай Дмитриевич воевал в составе 516 истребительного авиационного полка. По состоянию здоровья (из-за слабого сердца и искривления носовой перегородки) его не допустили к профессии военного летчика, он был старшим техником эскадрильи и закончил войну в чине майора. Конечно, он неоднократно участвовал в полетах, но больше всего прославился как опытный военный техник и механик. Проходя мимо нескольких, одновременно прогревающих двигатели самолетов, он мог по звуку определить неисправность даже самой мелкой детали.

Приказом Командующего Западным Фронтом №0803/н от 23 июля 1942 года, он был награжден боевым Орденом Красной звезды. Впоследствии, в течение войны, он был награжден еще одним Орденом Красной звезды, боевым Орденом Отечественной войны, двумя Орденами Красного Знамени, медалями «За Отвагу» и «За Боевые заслуги».

К сожалению, у меня уже нет возможности записать его воспоминания, но я попросила рассказать о войне свою бабушку и хочу поделиться с вами рассказом очевидца событий военного времени. Хотя моя бабушка была в то время ребенком, но это не помешает, а возможно и поможет окунуться в атмосферу событий того времени, в живую историю.

«Мой папа всю жизнь был профессиональным военным, и умер он, работая в Моссовете, в отделе внешних сношений в чине майора. Он гордился этим званием и хотел, чтобы это звание было написано на его памятнике. В совершенстве зная немецкий язык, после войны он был призван на дипломатическую службу, связанную с поставкой самолетов и отдельных деталей в другие страны. На этой работе он был награжден медалями за развитие германо-советских

отношений, а также в 1952 году орденом Мао Цзедуна за дипломатическую деятельность в Китае.

Первые мои впечатления – это летный городок, аэродром под Саратовым, где у нас была комнатка и папа учит меня ходить. Моя мама, Екатерина Андреевна, только что потеряла первого ребенка, учась в финансовом институте в городе Ленинграде, и совершенно не хотела жить. Вообще-то мама была спортсменкой, снайпером, имела значок «Ворошиловского стрелка» и прыгала с парашютом. Но эта трагедия совершенно выбила ее из жизни. Не помогло и рождение второго ребенка, т.е. меня. Папа заставил ее бросить институт и привез в летный городок в г.Вольске Саратовской области. Я родилась в 1937 году очень слабенькой, и папе самому приходилось меня выкармливать, т.к. мама все время болела. К этому времени он был в чине лейтенанта и занимался подготовкой самолетов к полету, служба на военном аэродроме. Только под его личной подписью взлетали самолеты. Часто он брал меня с собой на аэродром и даже один раз сумел покатаить меня в кабине двухкрылого самолета, как они его называли на «этажерке». Кругом был лес и река, при поворотах самолета казалось, земля падает на тебя. По-моему ему за это от начальства досталось. Вокруг нашего военного городка были лес и поля, засеянные рожью, очень высокой, выше моего роста. Я ее очень боялась. Так страшно находиться среди густой ржи, где ничего не видно...

Мне было 3,5 года, когда было объявлена эвакуация, началась война. Папа в это время болел воспалением легких с очень высокой температурой. Его товарищам пришлось отнести его прямо на кровати на срочное комсомольское собрание. Оттуда все, не заходя домой, отправились на фронт, и мы долго его не видели. Нас погрузили, детей и жен, в кузов грузовой открытой машины. Разрешили каждой семье взять только один чемодан, остальное выбрасывали. Высадили нас на железнодорожной станции. Потом мы очень долго ехали, 2-3 месяца, в товарном вагоне. Вагон был забит женщинами и детьми. Сидели прямо на полу. Там не было туалетов, один из углов использовался как туалет. Иногда на остановках открывали большие двери вагона и передавали какую-то еду, чтобы не умерли с голоду. Кто-то выскакивал из вагонов и пытался остаться, но это строго воспрещалось. Когда мы долго стояли, иногда по несколько недель, кто мог, убежал. Привезли нас в сибирское село. Кругом был густой лес с очень высокими деревьями. Высадили прямо на землю и стали распределять на жительство по домам. Нас с мамой распределили в большой дом из очень толстых бревен на окраине возле леса. Хозяева нам выделили маленькую комнатку с маленьким окошком – кладовку, и сказали к ним не заходить, а ходить только через запасную, около нас расположенную, дверь на улицу. Правда, у этой двери тоже было крылечко, но оно выходило прямо на поле и лес. У хозяев в этом доме тоже жила девочка, но ей запрещалось со мной дружить и даже знакомиться. Как я сейчас думаю, они хотели и ждали немцев или ненавидели большевиков. Мама с утра уходила работать в поле, а я могла выйти на маленькое крылечко около нашей двери. Мама иногда приносила с поля

маленьких кроликов, чтобы я не скучала. А я обычно, поиграв, их выпускала. Меня за это ругали. Я была очень слабенькой и всех слабых очень жалела. От папы была весточка, что он жив, воюет. За битву под Москвой награжден орденом Красной звезды. Мамина старшая сестра тетя Аня, которая тоже была жительницей Москвы, эвакуировалась с мужем в г. Спасск с кожевенным заводом. Они живут в большом доме. Муж ее, Борис Фридман, является заместителем директора и главным технологом завода. Они приглашают нас с мамой приехать в Спасск, прислали нам телеграмму. И вот мы опять едем на разном транспорте, с одним чемоданом, правда, в этот раз хоть не голодаем. Соседи что-то нам собрали. Едем в пустых товарных вагонах к Москве, с остановками, 2-3 недели. В г. Спасске действительно большой бревенчатый дом. Мамина сестра тетя Аня и ее четверо сыновей – близнецы Лева и Юра, на полтора года младше Генчик, и еще на полтора года почти мой ровесник Стас. Немцев отогнали из-под Москвы, но они еще совсем недалеко. Идут бомбежки. Мы живем в Спасске в большом деревенском доме с русской печкой и лежанкой. А немцы все ближе и ближе. Когда идут бомбежки, бежим и ложимся под окна. Директор завода уехал и оставил заместителем дядю Борю. Завод выпускал кожу для солдатских сапог и являлся важным стратегическим объектом. Снаряды уже падают на наш поселок, видим взрывы. Слава Богу, что в наш дом ни разу не попали. Дядя Боря ночует на заминированном заводе, чтобы в случае, если немцы войдут в город, взорвать завод вместе с собой; все рабочие уже эвакуированы. На наше счастье немцев отогнали. Бомбардировка отошла куда-то дальше, все живы. Дядя Боря получил за этот подвиг Красную звезду. Чтобы прокормиться, соскабливаем жир с кож и жарим картошку. Нам сообщают, что немцы отступают. Моя мама оставляет меня в этом доме и едет в Москву к своему отцу. Там на Фрунзенской набережной у него был дом и булочная. Он болен и она привозит его в Спасск. Они с сестрой тетей Аней пытаются его спасти, так как он сильно голодал, но спасти его не удалось. У него много медалей за первую мировую войну, когда его хоронили, вся грудь его была в орденах. Дом его впоследствии забрали вместе со всеми вещами, и он никому из нас не достался.

Фронт отошел от Москвы. Папа прислал весточку, что жив и началось наступление наших войск.

Мы завели козу и уже не голодаем, но ничего не забывается. Через два года папу отзывают с войны для обучения в академии Жуковского. Мы переезжаем в Москву, снимаем маленькую комнатку около академии имени Жуковского. В нашем доме на Фрунзенской набережной уже жили чужие люди, хотя там остались все наши вещи. Папа учился в академии Жуковского, но здоровье его уже было подорвано, у него было слабое сердце. После тренировочных забегов его на носиках проносили мимо нашего жилья в санчасть. Я пошла в школу в первый класс, а война шла уже не на территории России. Я видела, как вели по Москве пленных немцев, понурых, не поднимающих глаза. А Гитлеру мы, дети, в школе придумывали казни, хотели разрезать его по кусочкам.

Папу посылают в Австрию с заданием, он письмом вызывает нас к себе. Весной 1943 года мама собирается очень быстро, у нас ничего нет, берет немного моих вещей и все. Ей доставляют пропуски и билеты. И вот, наконец, мы едем, сначала в нашем поезде, потом на границе нас пересаживают, там другая ширина рельсов. Приезжаем в Австрию в какой-то полуразрушенный город. Впечатление жуткое – ни одного целого здания. Окна все слепые – заклеенные стекла. Дороги ужасные, все в ямах, и кучи мусора от разрушенных домов. Вокруг мертвые остовы домов, людей почти нет. Линия фронта была здесь совсем недавно. Ни в одном кино впоследствии я не видела такой ужасной картины. Света нигде нет, такое впечатление, что город полностью вымер. Останавливаемся в бывшей гостинице. Коридоры широкие и большие, а комната крошечная, 4 кв.м., окна выходят на глухую стену. Жуткая огромная кровать с пуховиками. Я начинаю задыхаться, плакать – хочу домой в Россию. Мама жестко меня обрывает, чтобы ни звука, ни плача! Нужно вести себя тихо и молчать. Приезжает папа на легковой машине с шофером. Мы едем в этой машине по очень красивым горным дорогам. Вокруг горы со снежными вершинами. На одной из возвышенностей стоит большой красивый дом. Въезжаем за плотный забор и оказываемся около этой красивой двухэтажной виллы. Высокий цокольный этаж, громадные окна, стрельчатые и полукруглые, как в замках. Прекрасный сад и белоснежная беседка со столом и плетеными креслами.

Мы выходим на заднем дворе, где гаражи, подвалы и еще какие-то странные строения. Заходим в дом через довольно узкую дверь. Деревянная узкая лестница ведет вверх, мы поднимаемся по ней и входим в большое помещение. Это чердак - мансарда с высокими стрельчатыми потолками, она ничем не разделена и поэтому кажется огромной. С двух сторон напротив друг друга большие окна. Кругом стоят сундуки. Папа говорит, что пока мы будем здесь жить. Выходить нельзя, вести себя надо очень тихо. Еду нам будут доставлять прямо сюда, спрашивать ни у кого ничего тоже нельзя. Для умывания на подставке стоит большая фарфоровая чаша с водой. Мы сидели в этой мансарде около двух месяцев. Позже я узнала, что папа очень боялся за меня, часто русских детей убивали, если могли поймать без свидетелей. Постепенно мама стала общаться со слугами этого дома. Меня стали выпускать на задний двор, я тоже немного стала понимать по-немецки. В одном из углов я нашла австрийские журналы. Папа иногда переводил мне тексты оттуда. Зато в большие окна я могла смотреть сколько угодно. Фасадное окно выходило в большой сад с красивой белой беседкой. Туда выходила хозяйка на второй завтрак (как объясняла мне мама) и пила чай со своим мужем, генералом, всегда нарядная, с красивой прической.

Выходя из дома, я очень старалась хорошо себя вести и быть вежливой. За мной уже не смотрели так тщательно, а я изучала забор и нашла, как отодвинуть одну из досок, и вот еще чуть-чуть и я за забором! Кругом горы и лес и ни одного сорняка, только шелковая трава и водопад, наверное, сделанный искусственно, так как вода как по ступенькам, по большим валунам катится вниз. А какое удовольствие искупаться в маленьком прозрачном озере и потом скорее-скорее

мчаться домой, пока не обнаружили моих проказ. Потом я заболела и очень сильно. Меня срочно отвозят в большой военный госпиталь, где лежали наши солдаты. Все раненые находились в большом зале, больше ста человек, а рядом за стеклянную перегородку положили меня. Видимо здорово я простудилась, говорили, что месяц была на грани между жизнью и смертью. Но все-таки выжила и стала потихоньку поправляться, только скучала, и когда мед. персонал не видел, убегала в зал к нашим солдатам. Все очень трогательно ко мне относились, рассказывали, какие знали сказки и какие помнили стихи. Но вот родители забрали меня из больницы и мы едем на новое место жительства. Это Веспрем, очень красивый городок в Венгрии. Останавливаемся у замечательного витого чугунного забора, дом как из сказки, с флюгером на крыше и большим камином. Нас поселяют в пристройку к дому. Все дома в городе с террасами, пристройками, увитые розами. В пристройке, где мы живем, – камин и библиотека, громадные книжные шкафы до потолка, полные книг и журналов. Какие-то толстые журналы в кожаных переплетах с готическим шрифтом и картинками, папа иногда мне их читает и переводит. Здесь мы встретили конец войны. К Параду Победы мы вернулись в Москву. Всеобщее ликование, такая радость! Грандиозный парад на Красной площади. Я с папой сижу у мавзолея на втором ряду, у папы много орденов. Перед нами бросают немецкие знамена. А вечером грандиозный салют. Идем по улице Горького, все улицы заполнены ликующим народом, все обнимаются, целуются, у многих текут слезы, все родные! А над Кремлем прожектора образуют световой купол, в центре которого красное знамя, и бесконечный салют, закрывающий все небо!

Спасибо тебе, Родина, спасибо, народ, будь счастлив!»

В это время прадедушка уже находился в составе войсковой части 26276. Это была часть особого назначения, связанная с самой современной авиационной военной техникой. После Венгрии она была переброшена в Туркмению, в Небит-Даг. От этой части он был командирован в Китай, для оказания помощи в создании авиаремонтных предприятий. За работу там он получил государственную награду Китайской республики.

И в заключение, хочется сказать несколько слов о других членах нашей семьи, связанных с войной. Брат моей прабабушки Павел Титов в 18 лет ушел на фронт и погиб в первые дни войны. Мой другой прадедушка Макаревский Александр Иванович, известный академик, авиаконструктор-прочник, в составе Академии Наук работал во время войны в Казани, создавая новые виды оружия и самолетов. Его именем названа улица в г. Жуковском. Его жена, моя прабабушка, Макаревская Любовь Васильевна, была известным врачом-эндокринологом. Во время войны она постоянно служила на военно-санитарных поездах – передвижных госпиталях. Она тоже имеет правительственные награды.